

Маа

Вадим Кучеренко

12+

Вадим Кучеренко

Лаа

«Автор»

1990

Кучеренко В. И.

Лаа / В. И. Кучеренко — «Автор», 1990

Юношеская любовь не всегда бывает счастливой, но все-таки она лучшее, что случается в жизни с человеком. В этом возрасте уже умеют сопереживать, сочувствовать, быть верными, а, следовательно, любить по-настоящему. Так, как любят ученик обыкновенной средней школы Витя Зацепин, и необыкновенная девочка Лаа, которой лет чуть больше, чем Джульетте, когда она встретила Ромео...

© Кучеренко В. И., 1990

© Автор, 1990

Вадим Кучеренко

Лаа

Его называли странным мальчиком.

Первой это признала воспитательница в детском саду, пожилая грузная женщина с пронзительными глазами из-под почти лишенных ресниц век. Она задумчиво морщила массивный лоб, поднимала вверх указательный палец с неровно обкусанным ногтем и с придыханием произносила: «Неординарная в яркой индивидуальности личность. Со временем из него выйдет либо большой ученый, либо...» На этом она имела обыкновение загадочно обрывать свою фразу, и родителям Вити, не в первый раз выслушивающим это пророчество, вновь приходилось только догадываться, кем же станет в далеком будущем их единственное ненаглядное чадо. «Кем угодно, но не подлецом», – категорично заявляла мама, маленькая, хрупкая и очень эмоциональная преподавательница музыки. А папа, высокий, лысоватый и молчаливый кандидат философских наук, соглашаясь с ней, кивал. Впрочем, он имел обыкновение на все мамины заявления согласно качать головой, чаще всего даже не вникая в их смысл. Поэтому в семье всегда царили мир и покой.

А сам Витя сквозь толстые стекла очков, привычно сидевших на переносице, задумчиво созерцал мир, в котором жил и рос, и имел обыкновение, несмотря на свой юный возраст, давать всему увиденному собственную оценку. Но выводы свои он молча и бережно хранил в глубине души, а когда душа переполнялась через край, делился ими с пушистым мопсом, которого Вите подарили на первый день его рождения. Тот стоял на книжной полке, рядом с детскими книгами, которые мама читала Вите на ночь, и высказывал свое мнение блестящими пуговками глаз. Они понимали друг друга, и буквально во всем их взгляды сходились, что делало дружбу еще прочнее. Они были настоящими друзьями, этот забавный игрушечный мопс и мальчик, и даже скучали один без другого, когда расставались надолго.

Впрочем, несмотря на столь необычную дружбу, Витя был вполне современным ребенком. Например, он хорошо разбирался в новейших достижениях в освоении космоса. Но еще он верил в существование инопланетных цивилизаций и параллельных миров, в одном из которых, возможно, существует точно такой же Витя, как он, но наоборот. Зовут его не Витя, а Ятив, и родинка у него не на правом плече, а на левом. Витя мечтал встретиться с ним когда-нибудь, протянуть руку и сказать: «Здравствуй, Ятив! Как долго я ждал нашей встречи. Будем друзьями!» Потому что друзей у него, кроме мопса, не было. Он не любил шумных ватаг сверстников, с грохотом гоняющих консервную банку во дворе, когда не находилось мяча, или бегающих и прыгающих без всякой цели и смысла. А никто из сверстников не любил сидеть тихо и молча в его комнате, в которой Витя просиживал часами, сам для себя выдумывая разные игры и никогда не скучая. По сути, Витя жил двойной жизнью, в двух мирах. В одном мире были мама и папа, детский сад, будни и праздники, неукоснительные правила и законы, принятые еще до его рождения. Другой мир он придумывал сам, был творцом, и реальность в нем менялась в зависимости от фантазии мальчика. В своем выдуманном мире Витя совершал подвиги, спасал невинных и расправлялся с подлецами, которых так боялась мама, миловал и карал по собственному разумению, исходя из идеальных представлений о справедливости. Но никогда не переступал некоей черты, за которой начинается абсолютная власть. Он не утвердил ни одного смертного приговора и никого не осыпал золотым дождем за все время существования «той» жизни.

Наступил очередной сентябрь, а с ним началась и новая, школьная, жизнь. Ранец и костюмчик были куплены задолго до этого волнующего дня. Пышный букет запыхавшийся, но счастливый папа принес накануне, объездив все цветочные магазины города. Перед началом учебного года цветы были почти неразрешимой проблемой, но папа ее решил, и гордился этим

не меньше, чем своей диссертацией на тему «Актуализация социальных концепций метафизики всеединства в мире глобализации». А это о чем-то да говорило.

День первого сентября, как всегда, выдался теплым и солнечным. Мама с папой, взявшись за руки, плыли в потоке таких же счастливых родителей по направлению к школе и наперебой вспоминали забавные истории из своей собственной школьной эры, которая закончилась не так уж и давно. Витя был, что называется, «ранний ребенок», мама и папа учились в одной школе, в параллельных классах, и сочетались браком, едва им исполнилось восемнадцать, а вскоре появился и он. Поэтому сейчас они старались говорить как можно тише, чтобы Витя не услышал их и «не набрался ненужных впечатлений». А мальчик шел за ними, двумя руками с трудом удерживая огромный букет и задыхаясь от цветочной пыльцы, набившейся в его рот, нос и уши. А еще у него запотели от волнения очки, и весь мир окутал полупрозрачный туман. Но поскольку руки были заняты, то мальчик и не делал никаких попыток для облегчения своего положения, справедливо полагая, что бурлящий человеческий поток непременно вынесет его к земле обетованной, то есть к школе, и без его усилий.

Фасад школы украшал транспарант «Добро пожаловать!». Надпись была сделана белым по красному. Народа собралось много, и преобладали в толпе почему-то взрослые. Они волновались, переходили с места на место, переговаривались – словом, создавали всевозможную неразбериху, в которой безнадежно терялись маленькие виновники торжества. Школьники зримо делились по возрасту. Ученики с первого по третий классы, все до единого, пришли с цветами и стояли стройными колоннами в самом центре, напротив школьного крыльца. Начиная с четвертого класса, многие были уже с пустыми руками, и они, как более опытные школяры, строя не соблюдали, но теснились все вместе, не разбредаясь. А старшеклассники, снисходительно и свысока поглядывая на все происходящее, стояли в сторонке, словно их ничто и не касалось. Как-никак, мы выпускной класс, говорили они всем своим видом.

В самой гуще толпы одиноко стояло крошечное небесное создание с огромным алым бантом и тихо, но горько плакало. Снующие вокруг ноги безжалостно расправлялись с остатками рассыпавшегося от толчка букета, и когда они наступали на бутоны, то раздавались сочный хруст и новый всхлип, и еще одна слеза капала на землю. И столько неподдельного горя было во всем облике этой девочки, что сердце Вити дрогнуло. Он решительно протянул ей свой букет и сказал:

– Бери. Мне не надо.

– П-п-почему? – всхлипывая и еще не веря совершающемуся чуду, спросила девочка.

Почему? Витя не хотел, да и не умел обманывать. Букет ему был нужен, и еще как. Просто необходимо было подарить его своей первой учительнице, как объяснили ему вчера вечером папа и мама. Но еще более необходимым было для него сейчас вернуть этому крошечному человеку радость и улыбку. Так он привык поступать в «той» жизни, где никто, кроме него, не смог бы этого сделать. И Витя совершил единственно возможный для себя поступок.

– Бери же, – настойчивее повторил он. И строго добавил: – Не спрашивая.

И девочка поверила в чудо. Она бережно и нежно прижала к своей груди огромный букет, почти скрывшись за ним, из широко раскрытых голубых глаз выкатилась последняя слезинка, а затем и Витю, и этот школьный двор, и весь мир озарило несказанное счастье, просиявшее, как солнце, в ее глазах. Как легко сделать счастливым маленького человека, и как трудно – большого. Но пока они этого еще не знали, разбегаясь в разные стороны, туда, где их ждали родители, уже начинавшие беспокоиться за своих потерянных из вида чад.

– Витя, где твои прекрасные цветы? – всплеснула руками мама.

– Отдал, – просто пояснил он. – Она плакала.

Мальчик подумал, что разговор исчерпан, и улыбнулся. Но мама, бедная мама! Она пришла в ужас.

– А как же ты? Без цветов! Первой учительнице! Хуже всех! – слетали с маминого языка обрывки фраз. – А папа? Как он вчера устал, пока искал этот букет!

Это был запрещенный прием. Витя знал это и почувствовал, что ему стыдно за маму. Однако сожаления о случившемся в нем не шевельнулось. Душа его была еще слишком чиста, чтобы уметь жалеть о последствиях своего поступка и желать переиграть. Но впервые Витя подумал, что делая кому-то добро, можно другому этим доставить неприятности. Это был настоящий переворот в его сознании. Событие, требующее тщательного обдумывания и вечернего обсуждения с мопсом.

– Да, сын, нехорошо, – осуждающе качнул головой папа.

И опять-таки впервые Витя подумал, что папе на этот раз лучше было бы промолчать. Ведь будь сам папа на его, Витином, месте, он сделал бы то же самое, потому что он – его папа, самый лучший, самый благородный, самый бескорыстный человек на свете. Но зачем же он тогда сейчас соглашается с мамой?

Но нить размышлений Вити прервал первый в его жизни школьный звонок. Сердце мальчика будто оборвалось и, упав, забарахталось в животе, когда, переступая высокий порог школы, он оглянулся и отчетливо, среди множества других, увидел мамино лицо с текущей по щеке слезинкой. Витя вступал в новый этап своей жизни, а, может быть, даже начинал новую жизнь, и эта мамина слезинка ставила точку на прошлом. Ему стало жалко ее, ту, прежнюю свою жизнь, но лишь на миг, потому что впереди открылась дверь в большой светлый класс, комнату с тремя рядами парт и одиноким учительским столом напротив них, на который проходили мимо мальчики в темных костюмчиках и девочки в белых фартучках складывали свои букеты...

По мнению его классной руководительницы, Ульяны Денисовны, высокой, худой, и даже немного костлявой, женщины средних лет в больших роговых очках, которая считала себя последовательницей Ушинского и Макаренки, Витя был странным мальчиком. Он прилежно учился, не дрался с мальчишками и не дергал девочек за косички, но не был зубрилой и охотно давал списывать одноклассникам. Однако у него не находилось друзей в классе, потому что на переменах он повторял домашнее задание, а не бегал по коридору. «Яркий индивидуализм», – решила учительница и уже через год махнула на него рукой, поскольку для нее существовали только две категории учеников, на которые она обращала пристальное внимание и свой педагогический талант – хулиганы и отличники. Но однажды Ульяна Денисовна заметила, как в школьной столовой Витя отдал свой пирожок девочке, которая свой уронила на пол, и во время урока рассказала об этом ученикам. Разумеется, она хотела, чтобы все брали пример с Вити, но вышло все наоборот: его стали дразнить женихом, а девочку – невестой, и еще разными другими обидными прозвищами. И мальчик подумал, что добро иногда надо делать незаметно от всех, чтобы оно не обратилось во зло. У него была еще очень чистая душа, и он не додумался до того, что добро лучше вообще никому не делать, если не уверен, что оно не обернется злом для тебя самого. Это новое открытие необходимо было обсудить с мопсом, который все еще находился на книжной полке, только рядом с ним стояли уже не книги со сказками, а учебники.

Но бесконечно так длиться не могло, и вот однажды, уже в четвертом классе, Витю избили. Одноклассникам надоела его непохожесть на них, они захотели проучить задаваку, и сделали это в пятницу, после уроков, за школой. Били не все, только один, неумело и не очень больно. Но Витя страдал от сознания собственной беспомощности, а еще мучительнее были любопытные взгляды школьных товарищей, вчера еще приветливых, а сейчас злых, с любопытством пытавшихся рассмотреть на его лице следы боли и страха. Но он даже не заплакал. По лицу Витю не били, потому что могли разбиться очки, а это уже было нешуточным делом, и могло привлечь внимание взрослых. Поэтому сквозь толстые стекла очков на мир смотрели его застывшие в немом непонимании происходящего глаза.

Все разошлись, недовольные тем, что не было слез. А Витя одиноко побрел домой. Впервые в этот вечер он не излил мопсу свою душу, скрыл от друга обиду на одноклассников. Два последующих дня, субботу и воскресенье, он ходил задумчивый и более обыкновенного молчаливый, старательно отводя взгляд от книжной полки.

В понедельник он пришел в школу раньше всех, терпеливо дождался в раздевалке Сеньку Громова, того, кто его бил, и, предварительно сняв очки, вклеил ему затрещину. Завязалась короткая борьба, в которой зачинщику порядком досталось, поскольку Сенька уже полгода ходил в секцию бокса, но после этого Витя приобрел небывалый доселе авторитет у ребят. Уже назавтра они с Сенькой помирились, и сообщая через неделю отлупили Колю Петухова, за то, что тот посмел огрызнуться на Сенькину оплеуху. Бить слабого Колю оказалось легче, чем драться с хулиганистым Сенькой, а результат был потрясающим – Витю стали побаиваться одноклассники. И он понял, что если не хочешь быть избитым, то бей сам. Это откровение стало самым большим событием за все четыре года его школьной жизни. Но и про него не узнал безобидный мопс.

А Ульяна Денисовна с радостью отметила, что Витя перестал дичиться одноклассников, стал более общительным. Она искренне решила, что все это – закономерный итог ее педагогической методики, применяемой на протяжении нескольких лет к этому замкнутому мальчику. Опыт ее многолетней работы не подвел и на этот раз. И впервые не поднялся вверх указательный палец, не было произнесено рокового «либо...», и радостные мама и папа после родительского собрания ушли домой успокоенные и даже словно бы окрыленные. Им всегда казалось, что это пресловутое «либо», как нашедшая на солнце луна, затмевало словосочетание «большой ученый», но вот его нет, и будущее их сына ясно и обнадеживающе.

В общем, все были довольны. А Витя?

А он стоял на перепутье. С одной стороны на него печально глядели мопс и «та» жизнь. С другой – авторитет среди ребят в школе и во дворе. И их нельзя было свести воедино. «Та» жизнь не принимала эту, а мопс не соглашался на компромисс, и, казалось, пуговицы его глаз блестят от слез. А глаза Сеньки Громова, наглые, смеющиеся, смотрели на него сейчас из темного угла его комнаты и проникали в самую душу, опустошая ее. Но вот комната закачалась, словно лодка на волнах, и Витя заснул, так и не придя ни к какому решению.

А наутро был его день рождения. И среди множества подарков он увидел каучукового пса с отвислыми щеками. Это был чудесный бульдог, и старому потрепанному пыльному мопсу пришлось уступить свое почетное место на книжной полке, а затем, по настоянию мамы, которая вела неустанную борьбу за чистоту и порядок в комнате сына, и вовсе отправиться в кладовку. Несколько дней что-то исподволь беспокоило Витю. Но затем непонятная тревога прошла, и все позабылось. Вскоре каучуковый бульдог куда-то исчез с книжной полки, но Витя о нем даже не вспоминал, не испытывая к нему никаких чувств и не успев привязаться.

Шло время. Уже никто не называл его странным. Вместо очков Витя теперь носил линзы, и это многое изменило в его восприятии окружающего мира. Он был обычным подростком, или казался таким, что для многих, а тем более посторонних, людей зачастую одно и то же. Прогуливал уроки и втайне от родителей иногда затягивался сигаретой, но учился хорошо. Не был ни сорви-головой, ни паинькой, но и безликим средним человеком никто бы его не назвал. Его место было там, в сторонке, словно он мимикрировал и затаился, слившись с окружающей средой, в ожидании, когда придет час стать самим собой...

После уроков Витька пошел домой самым дальним путем. Настроение было неопределенным. В шесть часов вечера его ждал Сенька Громов. Его родители уехали на дачу, и у него «на хате» намечалась, как он выразился, «дружеская вечеринка с девочками», пообещав при этом, что «все будет классно». Сейчас Витька уже жалел о своем обещании прийти. Девчонки все еще оставались для него неприкосновенной тайной. Какое-то почти детское восхищение

«прекрасными незнакомками», принесенное из «той», уже почти забытой, жизни, не позволяло ему слишком близко сходить с ними.

Кроме того, не мог он никак понять своей дружбы с Сенькой. Все вокруг называли их закадычными друзьями, «неразлейвода», а между тем он точно знал, что Сенька всегда злобно радовался его неудачам. Только радость эта была тихой и неприметной, словно камень, брошенный в спину. И если по-настоящему, то давно бы уже надо было им поссориться и раздружиться навсегда. Но, может быть, этому мешал его страх остаться один на один с теми, кого они обидели когда-то вдвоем с Сенькой. Витька знал, что пока они вместе, расплата за прошлое ему не грозит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.